

28.01.2009

Д-ру В.С.Христофорову
Начальнику Управления регистрации
и архивных фондов ФСБ России
101000, Россия, Москва,
ул. Большая Лубянка, 2

Тема: Относительно Вашей статьи о Рауле Валленберге в газете «Время новостей» от 19 января 2009 г.

Уважаемый Василий Степанович,

Все мы, как бывшие члены и консультанты Российско-шведской рабочей группы, были рады прочитать Вашу глубокую и очень интересную статью, касающуюся многих загадочных вопросов, которые все еще остаются в деле пропавшего шведского дипломата Рауля Густава Валленберга. Мы уверены, что данное Вами описание ключевых аспектов, которые остаются неразрешенными, поможет исследователям, таким же как и мы, точно сформулировать вопросы, ответы на которые они в дальнейшем будут искать в российских архивах. Кроме того, мы приветствуем появление Вашей статьи, поскольку она дает возможность для более прямого обмена мнениями.

Одна из центральных проблем в установлении всех фактов, касающихся содержания Валленберга в заключении в Советском Союзе, – включая и главный вопрос «что с ним произошло?» после того, как его след обрывается весной 1947 г., – заключается, как Вы подчеркиваете, в утраченных документах. Но помимо этого, Ваша статья помогает нам определить те области исследования, где прогресс вполне достижим.

Например, Вы поднимаете до сих пор неразрешенный вопрос о том, почему Рауль Валленберг представлял столь серьезный интерес для Сталина. Вы описываете в основных деталях ситуацию в Будапеште в 1944-45 гг., в то время, когда был арестован Рауль Валленберг. Несколько лет назад Игорь Прелин, являвшийся главой ЦОС КГБ до своей отставки в 1991 г. и бывший одно время официальным представителем председателя КГБ Владимира Крючкова, заявил в интервью немецкому телевидению (ZDF, 1997), что он и его коллеги провели тщательное исследование архивов российской разведки, в особенности того, что касалось деятельности и донесений советских агентов в Венгрии, еще до того, как в 1991 году начала работу Российско-шведская рабочая группа. Как Вы подчеркиваете, это часть тех материалов в российских архивах, которые все еще остаются засекреченными. Один из наиболее ярких примеров – дело агента НКГБ Михаила Толстого-Кутузова, который работал в Шведской миссии в Будапеште в 1944 г. Эти документы дали бы не только фактические данные о работе и связях Рауля Валленберга и Шведской миссии, но и необходимое понимание того, почему советская разведка уделяла такое пристальное внимание Валленбергу. Должны существовать подобные донесения от агентов советских органов безопасности, действовавших в Стокгольме до и после исчезновения Рауля Валленберга. Все эти донесения проходили через советскую административную систему с точным указанием получателей, проставленным на их страницах. Эти указания могли бы стать важными ключами к выяснению того, как и кем велось дело Валленберга в разные периоды времени. До сих пор исследователи не допускались ни к одному из этих документов.

Другой пример – это генезис одного из самых важных документов в деле Рауля Валленберга, так называемого «Меморандума Громыко», в котором 6 февраля 1957 года бывший заместитель министра иностранных дел Андрей Громыко объявил миру, что Валленберг мертв. Это утверждение основывалось на единственном документе – записке, которая, как считается, была написана врачом Лубянской тюрьмы А.Л.Смольцовым и в которой сообщается, что Рауль Валленберг скончался от сердечного приступа 17 июля 1947 г. в Москве. Однако невыясненными остаются серьезные вопросы относительно здоровья и занимаемой должности д-ра Смольцова в 1947 г. Отмечалось, что в действительности летом 1947 г. он отсутствовал на службе по состоянию здоровья. Этот вопрос необходимо выяснить с помощью советских административных документов.

Помимо этого, Вы довольно детально указываете на то, что существовало несколько вариантов меморандума, которые рассматривались советскими официальными лицами, прежде чем они утвердили документ, опубликованный в феврале 1957 г. Два года, в течение которых шла подготовка этого документа, представляют большую важность по нескольким аспектам. Параллельно с обсуждением, происходили секретные закулисные контакты между российскими и шведскими официальными лицами, которые устанавливались через резидента КГБ в Анкаре Павла Ерзина (позже ставшего ректором Университета им. П.Лумумбы) и финского дипломата, близкого к шведскому МИДу, Оке Фрая. Важную роль в этом сыграл и глава секретариата министра иностранных дел Вячеслава Молотова Борис Подцероб. Эти переговоры продолжались в течение 1955-1957 гг. и были прерваны лишь за несколько дней до опубликования «Меморандума Громыко». Шведские члены рабочей группы неоднократно затрагивали эти вопросы, говоря со своими российскими коллегами. Тем не менее, открыто было лишь несколько документов, при этом ни одного документа не поступило из архивов советской разведки. Для исследователей было бы весьма важно ознакомиться с этими документами, поскольку они помогли бы прояснить намерения и образ мысли советского руководства в этот решающий период. В этом отношении, особое внимание вызывают предпринятые в 1956 г. меры с целью не дать говорить человеку по имени Ширягин, который написал в советский МИД, утверждая, что он обладает важной информацией о Рауле Валленберге. Документы из МИДа показывают, что это ведомство обратилось к КГБ с просьбой предотвратить утечку свидетельских показаний к шведскому руководству. Несмотря на неоднократные запросы, российские архивы не открыли ни одного документа, касающегося этого человека или его показаний.

Когда встает вопрос, что произошло с Раулем Валленбергом позднее весны 1947 г., Вы пишете, что «архивные документы свидетельствуют, что Рауль Валленберг умер 17 июля 1947 года». Помимо все-таки очень противоречивого «Меморандума Громыко», на каких «архивных документах» Вы основываете это утверждение? Вы также пишете, что, хотя в проектах «Меморандума Громыко» указывалось, что Рауль Валленберг находился в Бутырской тюрьме, он никогда там не содержался. Может ли быть доказано, что он никогда там не находился – под своим или чужим именем или под номером? Или то, что Валленберга никогда не переводили в Бутырскую тюрьму по медицинским соображениям? Несколько свидетелей показали, что они

знают о переводе Валленберга в Бутырки в 1950-51 гг., а другие показывали, что охранники в Бутырской тюрьме говорили о том, что там находится «шведский дипломат». Мы неоднократно запрашивали копии регистрационных журналов Бутырской тюрьмы, где фиксируются переводы заключенных, в особенности за 31 апреля и 1 марта 1950 г., однако так и не получили положительного ответа.

Учитывая все это, мы все же видим целый ряд возможностей, чтобы продвинуться вперед в нашем исследовании, даже тогда, когда мы сталкиваемся со множеством отсутствующих документов. Например, как Вы пишете, было несколько человек из числа советского руководства, кто определенно обладал непосредственной информацией о судьбе Рауля Валленберга или ее детальным пониманием. Это такие люди, как бывший глава КГБ Иван Серов и советский министр иностранных дел Вячеслав Молотов. Вы упомянули центральную роль, которую, возможно, сыграл Серов в уничтожении документов в середине 50-х годов. Однако, есть информация, указывающая на то, что на самом деле Серов откладывал важные документы в деле Валленберга. В биографии бывшего главы КГБ, ее автор, историк Никита Петров, ссылается на найденный им документ, который показывает, что Серов дал специальное указание, чтобы дело Вилли Рёделя, сокамерника Валленберга, с которым он сидел дольше всего в Лефортовской тюрьме (1945-1947 гг.), было не уничтожено, а сохранено. Несомненно, дело Вилли Рёделя является центральным по важности в исследовании судьбы Рауля Валленберга. Российские члены рабочей группы представили копии документов, касающихся Вилли Рёделя – регистрационную карточку заключенного, свидетельство о смерти и акт о вскрытии. Шведской части рабочей группы не было разрешено ни ознакомиться с оригиналом его дела, ни изучить то дело, в котором эти документы были предположительно обнаружены.

Кроме того, мы не получили никакой информации о сокамернике Вильмоша Лангфельдера Шандоре Катоне. Даже если его личное и следственное дела не могут быть обнаружены, в документах, которые педантично вели советские органы безопасности, должна существовать дополнительная информация, касающаяся содержания этого человека в заключении. Имя Катоны неоднократно появляется в регистрационных журналах Лефортовской тюрьмы, где отмечаются вызовы на допросы и перемещения заключенных. Вместе с Вильмошем Лангфельдером 23 июля 1947 года он был переведен из Лефортовской в Лубянскую тюрьму. Тогда их обоих допрашивали на протяжении 14 часов. Отметка 22-23 июля обозначает время, когда большинство бывших сокамерников Рауля Валленберга были допрошены, а затем помещены в одиночные камеры, многие – на годы. Любая информация о Вилли Рёделе, Вильмоше Лангфельдере и Шандоре Катоне поможет исследователям заполнить пустоты в разгадке этого важнейшего для дела Валленберга периода.

Возможны и другие подходы, которые могут помочь в работе. Вы упомянули американца Исаю Оггинса, в деле которого есть параллели с делом Рауля Валленберга. Министр госбезопасности Виктор Абакумов 17 июля 1947 года – в день, когда, как утверждается, умер Валленберг – предложил Сталину ликвидировать Оггинса, а правительству США сообщить, что он умер от туберкулеза в Норильске. Тем не менее, российское руководство сообщило исследователям, что на самом

деле в конце 1946 г. Оггинс был переведен из Москвы в Пензу, во Внутреннюю тюрьму. В свидетельстве о его смерти значится, что он умер в январе 1948 г. Для исследователей было очень важно ознакомиться со всей документацией относительно перевода Оггинса в Пензу, а также со всеми документами, касающимися причины его смерти, поскольку российские власти пытаются в этом вопросе провести параллели с делом Валленберга.

Аналогичным образом, необходимо, чтобы исследователи смогли изучить ряд дел, с частью которых мы начали знакомиться, будучи в составе Российско-шведской рабочей группы. Тем не менее, многие дела остались за пределами нашей работы. Среди них следственное дело и другие все еще засекреченные документы на латвийского заключенного по имени Зигурдс Эрнестович Круминьш, который содержался во владимирской тюрьме в 1956-1963 гг. Круминьш был источником ряда показаний о все еще неидентифицированном секретном шведском заключенном, находившемся во Владимире в это время. Полный и беспрепятственный доступ к делу Круминьша дал бы исследователям возможность установить, с кем Круминьш контактировал во время своего заключения во Владимире. Что еще проще, российские власти могли бы назвать заключенных, содержащихся в строгой изоляции, о которых сообщает не только Круминьш, но и два бывших сотрудника владимирской тюрьмы – Варвара Ивановна Ларина и Александр Тимофеевич Кукин. Не менее важно, чтобы российское руководство назвало наконец всех осужденных номерных заключенных, содержащихся во Владимире в период, имеющий жизненно важное значение для исследования. Этот запрос находится в подвешенном состоянии с 2001 г. Кроме того, исследователи настоятельно просят о доступе к записям о переводах во Владимир и из него, начиная с 1950 г. и далее, которые до сих пор остаются секретными, включая особые списки, которые составлялись на отправку в психиатрические лечебницы. Нам также необходимо изучить карточки по корпусам, а также журналы начальников корпусов для каждой отдельной части владимирской тюрьмы (I, II, III, и IV корпуса). Это поможет установить наличие там конкретных лиц в разные годы.

В этой связи было бы исключительно полезно, если бы Россия опубликовала полный список шведских заключенных, содержащихся во владимирской тюрьме в период 1947-1975 гг. МГБ-КГБ и МВД вели подробную документацию на всех заключенных, особенно иностранных граждан. Такой список сам по себе мог бы дать ответ на важный вопрос: действительно ли свидетельские показания о шведском дипломате во владимирской тюрьме относились к Раулю Валленбергу или они касались какого-то другого шведа.

В 1961 году шведский врач, профессор Нанна Сварц сообщила шведским властям о том, что ее советский коллега, известный кардиолог, профессор Александр Мясников сказал ей, что он не только знаком с Раулем Валленбергом, но и знает о том, что он жив. Впоследствии профессор Мясников заявлял, что д-р Сварц неверно истолковала либо просто не поняла его высказываний. Полемика между Сварц и Мясниковым развивалась до 1965 года (когда профессор Мясников умер) и неоднократно обсуждалась на самом высоком уровне в высших советских органах, в Центральном комитете КПСС и в Политбюро. Полная документация по этому вопросу так и не была предоставлена российскими властями. При наличии же этих

документов было бы достаточно просто определить действительно ли ошибалась профессор Сварц. Это позволило бы положить конец существенному противоречию в данном деле.

С тех пор, как Российско-шведская рабочая группа закончила работу в 2001 г., мы направили российской стороне ряд дополнительных вопросов, поскольку они возникли в ходе продолжавшегося исследования. Мы получили несколько действительно важных ответов, хотя часто они приходили с большой задержкой. Со временем нам удалось составить список точных и конкретных вопросов. Ответы на эти вопросы, несомненно, смогли бы существенно продвинуться вперед в деле Валленберга. Как Вы пишете в Вашей статье, в деле Валленберга еще не поставлена точка, и мы должны попытаться изучить все возможные версии, дабы установить, что произошло с этим действительно исключительным человеком.

Мы с нетерпением ждем продолжения нашего диалога.

С уважением,

Профессор Ги фон Дардель
Один из основателей и член Российско-шведской рабочей группы
и брат Рауля Валленберга по материнской линии

Сюзанне Бергер, профессор Марвин В. Макинен, Сюзан Эллен Месинай, Ари Каплан,
бывшие консультанты и члены Российско-шведской рабочей группы,
ныне члены организации «Независимое расследование судьбы Рауля Валленберга»

Independent Investigation into the Fate of Raoul Wallenberg, Inc.
332 Bleecker Street K-65
New York, New York 10014

Просьба письменные ответы направлять напрямую по вышеуказанному адресу либо:

Susanne Berger
Tel: 001-703-237-0946
sberger@prodigy.net